

У плакучихъ березъ.

(Памяти павшаго въ бою капитана Е. Е. Пиуновскаго).

I.

Мы идемъ въ дальнюю дорогу,—съ котомками, съ палками, въ помятыхъ гимназическихъ фуражкахъ, съ побитыми сапогами.

Пестряя чуни изъ суконной кромки!..

Стѣпой старичокъ сидитъ въ придорожной канавѣ, въ лопухахъ, съ пестрой вязкой суконныхъ туфель и, надѣвъ ихъ на сморщенные коричневые руки, похлопываетъ по тропкѣ.

Эхъ, сами лапотки бѣгутъ,
Къ Угоднику доведутъ.

А намъ надо къ Угоднику. Да и старичокъ такой ласковый. Онъ поетъ что-то про хлѣбушекъ, про лучокъ, который ему нуженъ, про усталыя ноги, которыя будутъ смѣяться въ его лапоткахъ. Все ново для насъ. Наши юныя сердца ласковы, какъ эти мягкія тропки, убѣгающія въ новую даль. Бредутъ одна за другой пестряя богомолки. И онѣ тоже ласковы. онѣ говорятъ намъ—касатики, подолгу крестятся на каменные столбики съ иконками у деревень и такъ хорошо жуютъ черные сухари гдѣ-нибудь подъ придорожной березой, зачерпнувъ воды изъ лѣсной ямки. И небо ласковое, утреннее, июньское; и дымки незнакомыхъ избушекъ, и бѣлый платокъ зазывающей отдохнуть молодой бабы, у которой ласковые глаза.

Мы идемъ, идемъ... Впереди—радостная дорога. Впереди тоже, конечно, радостная жизнь наша. И въ самомъ концѣ—святое, Угодникъ.

Гдѣ-нибудь у лѣска, гдѣ земляника сильно цвѣтетъ, откуда протягиваетъ ландышемъ, съ кукушкой въ перелѣскѣ, съ избушкой лѣсного сторожа, которая напоминаетъ намъ хижину милого

американскаго охотника и которая тоже радостна намъ, мы, ласковые другъ къ другу и ко всему на свѣтѣ, достаемъ черныя сухари и закусываемъ у болотца. Тутъ много стрекозъ. Тутъ старенькій старичокъ насыпалъ на тропкѣ ворошокъ изъ мѣшка, лопаточку муравьиной кучи, положилъ рядомъ грудку еловыхъ вѣтокъ и добываетъ муравьиныя яйца. Мы лежимъ на локтяхъ и слѣдимъ. Хорошо работаетъ его фабрика!

— Для соловьевъ, родимые... для соловьевъ, кормильцы!

Хорошо бы все лѣто жить здѣсь, у дороги, сидѣть ночью у костерка, спать въ шалашѣ, а на зиму уходить куда-то, за двадцать верстъ, въ деревню, гдѣ у старичка живутъ старыи пѣтухъ и кошка. Мы обѣщаемся зайти какъ-нибудь къ нему, занести старые сапоги и посмотрѣть пѣтуха, который совсѣмъ сѣдой.

Милая сказка!

За старикомъ цѣлая жизнь,— можетъ-быть, страшная,— которая привела его на дорогу за муравьиными яйцами... Но мы такъ юны, такъ радостны въ это утро.

А вотъ и богатое помѣстье чье-то. Смотритъ за прудомъ садъ. Смотритъ за нимъ голубая дача въ парусинѣ, серебряный шаръ въ цвѣтникѣ. Тамъ богачи живутъ. Насъ томить жажда, а тамъ пьютъ чай. Но намъ ничего не надо. Столько простора здѣсь! И люди все такіе хорошіе, ласковые.

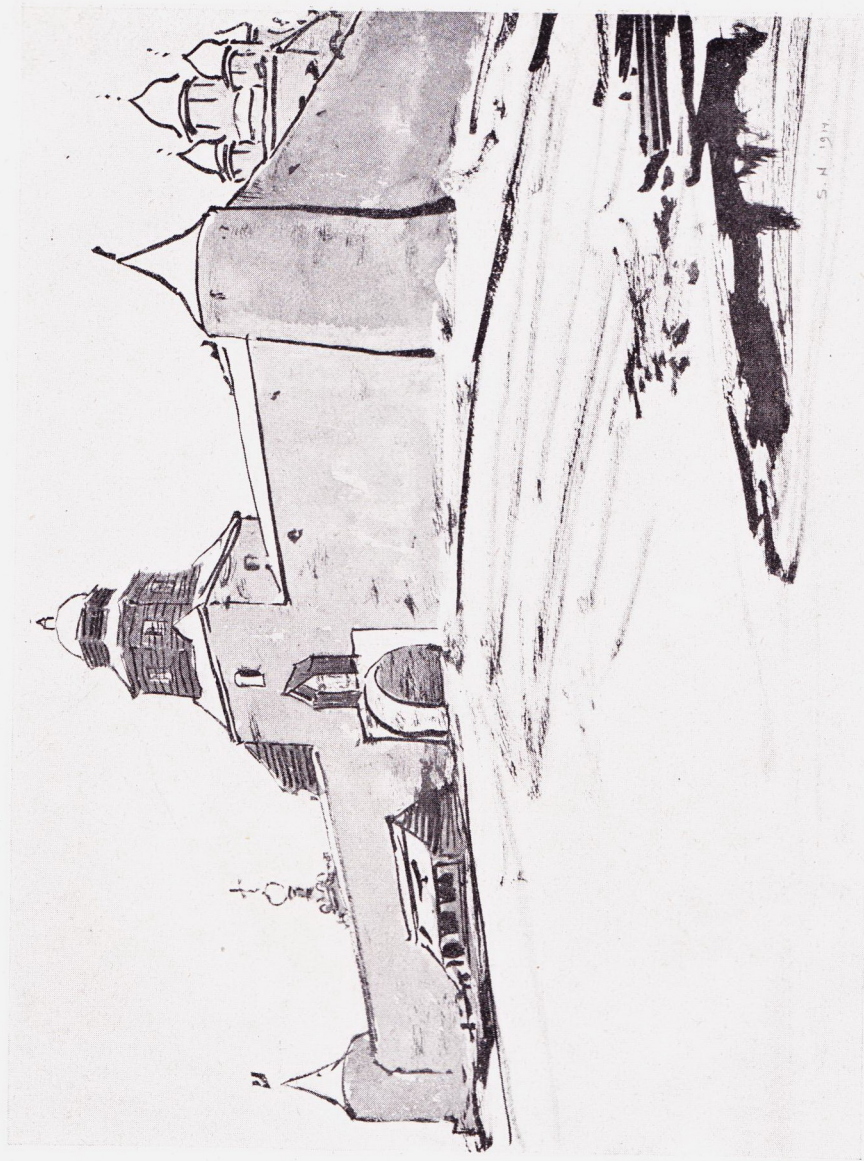
Мы давно бѣжимъ нога-въ-ногу съ высокимъ бородатымъ мужикомъ въ лаптяхъ, который очень спѣшитъ и который разсказалъ намъ, что у него расшибся на стройкѣ сынъ, и теперь у него такое горе. Идетъ къ Угоднику помолиться, чтобы вышло ему какое способіе. Мы не знаемъ, можетъ ли ему выйти, а мужикъ спрашиваетъ:

— А вѣдь должно выйти?..

— Обязательно!—говоримъ мы и проходимъ версты.

— Вотъ спасибо!

Мы узнаемъ многое за дорогу. Мы уже знаемъ, что у всѣхъ, съ кѣмъ мы ни шли,— только не у насъ,— есть горе. Мы знаемъ, что вонъ у той высокой молодой бабы, въ красивые глаза которой такъ хорошо смотрѣть, и у которой на загорѣлой шеѣ желтое прозрачное ожерелье, словно изъ спѣлыхъ крыжовинъ,—мужъ уже другой годъ пропасть и пропасть. Вотъ везутъ въ телѣжкѣ, на толстыхъ, визгливыхъ колесикахъ, мужика, у котораго руки, какъ у ребенка, а борода

С. В. Ноаковский.

МОНАСТЫРЬ.

большая. Онъ давно сохнетъ, и его возять по всѣмъ дорогамъ жена и сестра-дѣвочка. Идутъ слѣпые, поютъ намъ и всѣмъ. Передъ вечеромъ узнаемъ, что вотъ эта худая, черноглазая, похожая на дѣвочку, баба задавила во снѣ ребенка и плачетъ уже другой мѣсяць. Она и теперъ плачетъ. У этой не выживаютъ дѣти... У всѣхъ горе, — только у насъ его нѣтъ.

Мы отдали по копейкѣ слѣпцамъ, подали и въ телѣжку, Возлѣ незнакомой деревушки, среди лѣсовъ, переобувавшийся отставной солдатъ, съ серьгой въ ухѣ, рассказалъ намъ про ротнаго командира, какъ онъ въ опасномъ мѣстѣ, подъ пулями, бросилъ свою фуражку впередъ и крикнулъ: „выручай, братцы!“ И солдаты выручили его фуражку.

— Вотъ ей-Богу!

А впереди — святое. И кругомъ — святое: тихія березовыя рощицы на взгорьяхъ, юныя, свѣтлыя, какъ наши души; и уже позолота на нихъ вечерняя — отъ заката; и святы тоненькія пики лѣсныхъ войскъ — ровнаго молодого ельника; и затихающія тропки, милыя тропки...

Въ оврагѣ, въ тѣняхъ, куда упала дорога съ бѣгущими по сторонамъ тропками, — часовня въ березахъ. Въ горѣ — узкіе, темные проходы.

— Святыя пещерки, — крестясь, говоритъ солдатъ.

Тутъ и колодець подъ деревяннымъ шатромъ, съ крестикомъ. Мы пьемъ студеную воду, — вѣдь и она святая. Горбатый рыжій монахъ, въ рыжеватой на горбу ряскѣ, водить насъ въ узкихъ и низкихъ ходахъ въ горѣ, во тмѣ и сырости, свѣтя восковой свѣчкой. А хорошо бы пожить такъ: рыть въ горѣ ходы, а ночью молиться!

Скорбно лицо горбатаго монаха. Онъ сидитъ на лавочкѣ подъ березой, у которой длинныя вѣтви не топорщатся въ стороны, а повисли. Онъ говоритъ о смерти: померъ вчера его товарищъ. Вотъ на этой лавочкѣ тихо сидѣлъ онъ вчера вечеромъ и тихо померъ. Тихо взялъ Господь его душу.

— Жалостливый былъ... По нашей дорогѣ народу идетъ много. У каждаго горе, каждый несетъ его къ Угоднику. А братъ Симеонъ каждому слово скажетъ, каждаго утѣшитъ, на свое сердце положить... Вотъ и померъ.

Молчатъ всѣ: и солдатъ и старухи, и мы, старательно вырѣзывая на лавочкѣ свои буквы, и розовый огонекъ лампы надъ входомъ въ пещеры. Ночь и грусть коснулись нашей

души. По этой дорогѣ, по свѣтлымъ тропкамъ, подъ свѣтлымъ небомъ, въ тихихъ радостныхъ рощицахъ несутъ люди горе свое...

— Вотъ и береза плакучая,—говоритъ монахъ.—У святого мѣста каждая береза плачетъ.

И правда: обвисли вѣтви, печальны онѣ, словно хотять упасть.

— Это вѣрно,—говоритъ солдатъ,—по большакамъ все такія березы... Каждая дорога горе людское принимаетъ...

А у насъ нѣтъ никакого горя. И ничего не примутъ отъ насъ ни эта святая дорога, ни эта плачущая береза. Свѣтла передъ нами жизнь, и непонятны намъ впервые слышимыя слова о людскомъ горѣ. А вѣдь оно кругомъ: оно и на горбу этого монаха, и на лицѣ солдата, которое кажется теперь усталымъ и старымъ, и въ скрюченныхъ пальцахъ старушки, которая о чемъ-то плачетъ. Плачетъ гдѣ-то и поздняя, печальная кукушка.

Монахъ ведетъ насъ въ часовню, зажигаетъ свѣчку, беретъ съ окна книгу и спрашиваетъ, не хочетъ ли кто записать на поминавенье. Солдатъ вынимаетъ два пятака, кладетъ на книгу и говоритъ:

— Пиши Петра. Больше и писать не за кого... Одинъ я теперь на свѣтѣ.

Кто этотъ Петръ? и почему писать не за кого, и почему солдатъ теперь одинъ на свѣтѣ?.. Но солдатъ не говоритъ ни слова, только сурово его лицо.

Записываетъ монахъ въ свою книгу,—говоритъ ему плачущая старуха и кладетъ деньги. И еще молодая баба говоритъ радостно:

— А ты младенчика моего запиши во здравіе... Василия моего, младенчика.

И такъ радостно говоритъ, и такъ хорошо смотритъ, что уходитъ печальное, пришедшее съ нами отъ пещеры. И еще молодая баба говоритъ своего младенчика, и еще другая, съ ребенкомъ, который выглядываетъ запеченнымъ личикомъ изъ-за холстинки, у ея груди.

— Этого вотъ самого, Ванюшечку моего запиши...

И принимается покачивать его и тихо похлопывать.

Смотритъ на нее и на ребенка монахъ, и солдатъ, смотримъ и мы: такая радостная и счастливая баба.

А мы что запишемъ? Но записать надо, какъ-будто безъ этого и весь богомольный путь нашъ—не путь. У насъ гимназическія фуражки, мы третьеклассники, хорошо грамотны. Объ этомъ еще спрашивалъ насъ солдатъ, хорошо ли мы грамотны. Монахъ смотритъ на насъ, пошевеливая перомъ надъ книгой, да и заплакать надо за пещерки.

Товарищъ, подмигивая, глядитъ на меня, и такъ много задорнаго въ его плутоватомъ взглядѣ.

— Мы сами,—говоритъ онъ монаху, и царапаетъ что-то на правой страницѣ—за упокой.—Готово дѣло!

И громко читаетъ: „утопшаго отрока Сидора и утонувшаго Тита“.

Солдатъ говоритъ:

— Вона что-о!

Старушка и бабы жатбуютъ и спрашиваютъ,—чи такіе, сердешные? Мы говоримъ всякія небылицы и, должно-быть, такое несообразное, что солдатъ недовѣрчиво крикаетъ, а монахъ покачиваетъ головой. Но бабы вѣрятъ, а старушка говоритъ даже:

— Помолюсь и я, грѣшница, за нихъ, касатики... Ишь, горе-то у васъ какое!..

А намъ такъ весело,—вѣдь у насъ нѣтъ никакого горя. Не по насъ плачутъ старыя березы: для насъ молодья, кудрявья, радостныя. Съ нами онѣ шептались всю дорогу по вѣтерку.

Только на горѣ, за оврагомъ, въ еще свѣтломъ полѣ, передъ темнѣющей впереди деревней ночлега, мы рассказываемъ солдату, что пошутили, и монахъ теперь каждый день до будущаго года будетъ поминать Сидора и Тита. И теперь всѣ смѣются. А впереди веселый ночлеги, старенькій добрый Угодникъ, которому мы поклонимся и котораго попросимъ о самомъ хорошемъ и радостномъ; впереди молодость безъ конца, ясность безъ края, свѣтлая неизвѣстность...

А впереди и для насъ, какъ и для всѣхъ, идущихъ дорогами, насадила жизнь плакучія березы. По дорогамъ стоятъ онѣ, по большакамъ, въ низинахъ и на взгорьяхъ, незамѣчаемыя, опустивъ уставшія шумѣть вѣтви. Наши березы... Въ тихую пору онѣ неслышно плачутъ. Въ вѣтрѣ онѣ безсильно волнуются, безсильно хлещутся и уныло звенятъ. По тебѣ онѣ уже отзвонили, товарищъ дѣтства. Березы твои уже усохли.

Уже сыплются въ вѣтрѣ ихъ сухія, какъ проволочки, безлистныя, по-старушечьи шамкающія и шуршащія вѣтки-плети. Мои же еще позваниваютъ...

Откатились года назадъ,—и нѣтъ уже будущаго безъ края и неизвѣстности свѣтлой.

II.

Это лѣто живу я на той самой большой дорогѣ, по которой четверть вѣка назадъ, попрыгивая, бѣжали мы къ радостному—впередь.

Я узнаю деревни. Онѣ таки-удачно прожили это время: состарились и подновились, и какъ-будто чего-то ждуть, поглядывая на дорогу. Новые домики ждуть, а старые немножко попятились—надоѣло смотрѣть, или чуть наклонились впередъ, чтобы лучше видѣть, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Узнаю и давнія березовыя рощи. Окраины ихъ стали строже и уже кое-гдѣ выпустили начинающія уставать вѣтви-плети: тронуло ихъ годами и дорожнымъ ходомъ; наслушались и насмотрѣлись людской жизни. А маленькое лѣсное войско пикъ-елей куда выше подняло свое строевое оружіе и потемнѣло. Но тропки все тѣ же, и люди тѣ же, и такъ же бредутъ къ Угоднику. Теперь хорошо знаю, зачѣмъ бредутъ: и по опущеннымъ головамъ, и по сбивающимся шагамъ, и по согнутымъ спинамъ могу прочесть, чѣмъ и какъ исписала ихъ открывшаяся мнѣ жизнь.

А много ихъ идетъ въ это лѣто... Много ихъ присаживается на излюбленныхъ примятыхъ мѣстечкахъ, въ холодочкѣ. Они все тѣ же, какъ четверть вѣка назадъ: и молодухи съ ребятами, и старушки въ клѣтчатыхъ синихъ паневахъ, въ лапоткахъ, съ дорожными палочками-водилочками, и многознающіе странники. II хочется мнѣ зажмурить глаза и вызвать изъ прошлаго тихій юньскій вечеръ, тихій, въ желтыхъ крапинкахъ по краямъ, прудъ съ купальней у того берега, въ свѣжую краску пущенный заборчикъ неизвѣстной усадьбы съ березами, съ серебрянымъ шаромъ въ цвѣтникѣ, на горкѣ, съ террасой въ полотнахъ, съ счастливыми обитателями безмятежнаго уголка, на которыхъ, бывало, смотрѣли мы отъ пустой дороги.

Зажмуришься,—и вотъ уже перекинулся далеко назадъ: рядомъ, слышу, похрустываетъ сухаремъ мой товарищъ и устало

зѣваетъ... Вотъ и заплатка на сѣрыхъ штанахъ, и заслуженная фуражка. Онъ здѣсь опять, на большой дорогѣ. А по лѣвую руку солдатъ стягиваетъ сапогъ и кричитъ надъ ухомъ. А сейчасъ впереди оврагъ и пещерки, будемъ пить изъ святого колодца, а тамъ, на горкѣ, деревня ночлега, а тамъ Угодникъ, а тамъ... ясность безъ края... И самая та кукушка!..

Открылъ глаза: нѣтъ ничего, только дорога, да кукушка.

Вижу я маленькій крестъ часовни. Березы уже доросли до него. Вижу и самую тѣ пещерки, и покосившійся шатеръ колодца. Здравствуйте, сумрачные свидѣтели далекаго юньскаго дня, яснаго дня дѣтства! Вы, конечно, сейчасъ откроете мнѣ чудесную, полузабытую страницу изъ недочитанной еще до конца книги...

Я оглядываю до лоска затертую длинную скамью,—не найду ли царапинъ отъ нашихъ перочинныхъ ножей. Нѣтъ царапинъ; зарѣзано и затерто все, и ничего не поймешь въ пересѣкающихся чертахъ десятилѣтій. Но что же еще тутъ есть оставшагося отъ насъ? Вы ли это, далекія березы?!.

Отъ часовни черезъ дорогу движется на меня уцѣлѣвшее отъ тѣхъ дней живое—горбатый монахъ. Онъ сѣдой, но это, конечно, онъ: еще проглядываетъ кой-гдѣ рыжника. Четверть вѣка сторожилъ онъ не останавливающійся людской потокъ. Передъ его глазами прошли миллионы ищущихъ утѣшенія. Въ книгахъ его занесены краткіе знаки робкихъ надеждъ и за-таеннаго горя. А въ немъ, быть-можетъ, еще таятся смутно наши юныя отраженія.

Мнѣ хочется спросить: помнитъ ли онъ насъ, помнитъ ли тихій вечеръ, радостную бабу съ ребенкомъ, Сидора и Тита,—ясный день нашей жизни? Мнѣ хочется спросить его, почему же онъ такъ мало измѣнился, когда такія обвислыя стоятъ березы, покривился шатеръ надъ колодцемъ, и потускнѣлъ крестъ часовни? Вѣдь, я же такъ хорошо знаю, что погорчѣла даже трава вдоль тропокъ... А все еще ясны глаза монаха, словно не коснулся его длинный-длинный, скорбный людской потокъ. Нѣтъ, это—не братъ Симеонъ, тихо уснувшій отъ людскаго горя... Но я все же хочу его растрогать, хочу заглянуть глубже и въ свою душу.

— Вы, вѣдь, здѣсь давно... лѣтъ тридцать? Вы еще не забыли брата Симеона?

Да, онъ здѣсь давно, чуть помнитъ Симеона и совѣмъ не помнитъ, отчего тотъ померъ. Онъ не знаетъ уже, и отчего такими обвислыми стоятъ березы... Онъ все забылъ и настойчиво предлагаетъ мнѣ купить свѣчку и посмотрѣть пещерки. Нѣтъ, я не хочу смотрѣть ихъ. Я спрашиваю себя,—можетъ-быть, это—все сонъ, что было тогда, и это я самъ выдумалъ, что плачутъ березы. Можетъ-быть, все мертво?

А вотъ и часовня.

На этихъ чугунныхъ плитахъ стояли мы въ разбитыхъ дорожныхъ чуняхъ. На этомъ окнѣ лежала раскрытая книга: лежить и теперь. И тотъ же надтреснутый бой дешевыхъ часовъ на стѣнкѣ... Я оглядываю стѣны, я силуюсь сдѣлаться маленькимъ, вспомнить усталость въ ногахъ и невозвратимую легкость въ сердцѣ, плачущую старушку, бабу съ ребенкомъ, который спитъ за холстинкой, и заросшее сизыми волосками лицо солдата. И вижу... Вижу я, какъ шустро поскрипываетъ перышко въ загорѣлой рукѣ моего товарища и плутовато шурится его глазъ. И тихій вечеръ заглядываетъ въ часовню изъ-подъ березъ.

— Дайте книгу.

Да, самое то — за упокой и о здравіи... Опять „безымянные“ младенцы, „заспяшіе“ младенцы, заблудшая дѣвица Анна, утопшіе и погорѣвшіе и—просто рабы Божіи; но все потонуло въ новомъ и страшномъ своею численностью. Я вижу одно и одно — убіенные воины. Ихъ занесло сюда и несетъ каждый день дорожнымъ бабьимъ потокомъ. Они заполняютъ страницы. Монахъ и его товарищи скачущими и четкими почерками заносятъ ихъ въ эту придорожную книгу.

Да, теперь куда больше идетъ народу, и куда больше дають на поминовенье.

И плачутъ?..

— Конечно, плачутъ... только, конечно, имъ теперь все обезпечено въ воздаяніе мукъ отъ Господа... А вы не впишите?

Есть у меня, кого бы я могъ вписать. Когда-то стоялъ онъ здѣсь... Если бы монахъ былъ другой, если бы онъ мягко и любовно смотрѣлъ, если бы не выжидать такъ ясно, не дамъ ли я ему на поминовенье! если бы онъ опять по-тогдашнему рассказалъ... Тогда бы я многимъ съ нимъ подѣлился. Но онъ такой черствый, такой чужой.

Я перелистываю страницы придорожной книги.

— А прежнія гдѣ?

— Нарушены,—говоритъ монахъ.

Прежнія книги нарушены, и я уже не увижу знакомаго почерка, милыхъ Тита и Сидора и вереницы младенцевъ, имечки которыхъ съ такой любовью и радостными надеждами по нѣскольку разъ повторялись неумѣющими писать матерями. Теперь и они нарушены. Они рушатся часъ за часомъ, невѣдомыя никому, переходятъ незримо съ лѣвой страницы на правую, и уже сплошь чернѣютъ страницы, принимающія „убиенныхъ“. И рушатся съ ними жизни поколѣній.

Я выхожу изъ часовни, подымаюсь на взгорье. Вонъ мѣстечко, гдѣ мы отдыхали передъ деревней ночлега. Еще тогда сошлись тамъ три-четыре развѣсистыя березы. Стоять и теперь. Я долго сижу подъ ними, на примятомъ мѣстечкѣ, спрашиваю,— узнаютъ ли онѣ меня; помнятъ ли плохо одѣтаго мальчугана, который все пытался разложить у ихъ корней огонекъ, и котораго теперь уже нѣтъ на свѣтѣ. Я молчаливо рассказываю о немъ: онъ сталъ большимъ, съ сердцемъ мужественнымъ и честнымъ... Теперь онъ лежитъ въ неизвѣстномъ далекомъ полѣ, куда не найти дорогъ, братски-рядомъ съ тысячами другихъ. Березы ихъ знаютъ: они проходили здѣсь мальчуганами, матери носили ихъ на рукахъ къ Угоднику, чтобы выпросить для нихъ лучшей доли. Березы знаютъ, за что они тамъ легли. Онѣ все знаютъ... Онѣ заглядываютъ и въ мою душу, тянутся къ ней слабѣющими вѣтвями. Шепчутъ онѣ. Не-то молятся, не-то плачутъ... Позваниваетъ въ нихъ вѣтромъ.

Ив. Шмелевъ.
